

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Оригинальная статья

УДК 316.77

DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9

Богданов В. С.¹
Смирнова А. С.²

**Проблема социологического измерения социально-сетевого
группообразования в условиях реализации
российских национальных проектов**

¹⁾ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
valarf@mail.ru

²⁾ Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук
ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, г. Москва, 117218, Россия
nastyanestea812@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты апробации измерения социального сетевого группообразования (далее – «ССГ») в рамках реализации национальных проектов, как нового способа установления в онлайн сетевом пространстве процессов формирования и взаимодействия коллективных субъектов (стейкхолдеров), заинтересованных в качестве разработки и конкретных результатах проектных решений. Выявление и интерпретация существенных характеристик коллективных субъектов, имеющих общие или разные интересы, стратегии поведения, а также цели, может социологически измеряться в рамках процесса группообразования, результатом которого может стать фиксация зарождения деятельности новой коллективной субъектности или новых социальных групп. Общегуманистический подход к обществу в современной социологии признает значимость всех социальных групп, поскольку различие в их положении приводит к разным интересам, согласование которых является основной целью государственной политики. В ходе разработки и реализации проектных решений имеются группы решения, которые отвечают за постановку проблемы, установление целей и выбор средств их достижения. Характер и контуры деятельности групп решения в рамках национальных проектов, по сути, определяют органы власти и управления, которые задают критерии процессов соучастия или отчуждения заинтересованных лиц в решении социально значимых проблем и возможности наполнения конкретным содержанием проектных решений. Апробация ССГ проведена на основе материалов поискового онлайн исследования (2019 г.), проведенного в 4-х субъектах РФ. Исследование актуализировано в контексте академического проекта, реализуемого Центром социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН при поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345).

Акцентируется внимание на эмпирическом измерении общих тенденций ССГ через специально разработанные индексы социально-сетевой субъектности, выражающейся в онлайн сетевом взаимодействии региональных стейкхолдеров по поводу постановки и решения проблем, поиска конструктивных решений их разрешения или трансляции протестных настроений в ходе реализации национальных проектов. Предложены три критерия для диагностики социально-сетевой субъектности: наличие, содержание и распространение целевой информации со стороны органов власти, достаточной для активизации и конструктивного включения населения в управленческие решения; наличие/отсутствие онлайн и оффлайн форм включения населения (использование его потенциала: информации, знаний, ресурсов) в реализацию национальных проектов на основе организации социальной обратной связи; характер взаимодействия (нейтральный, оппозиционный, организационно-конструктивный) органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов. Выявлено, что каждый регион имеет свой характер и тенденции организации ССГ, а также свои критерии социальной субъектности. Отмечается низкий уровень удовлетворенности населения ходом реализации национальных проектов из-за определенных барьеров и трудностей, в том числе из-за слабо организованной социально-ориентированной обратной связи в части исполнения проектных решений. То есть сегодня ССГ как процесс активизации онлайн коммуникативного взаимодействия стейкхолдеров для выработки социально-ориентированных решений в рамках национальных проектов, слабо регулируется органами власти. Население практически не рассматривается одним из главных исполнителей проектных мероприятий. Выявленная информация о ходе реализации проектов, распространяемая в большей степени органами власти, носит зачастую декларативно-прожективный характер. Апробация методики социологического измерения ССГ будет продолжена в 2021 году в ходе сетевого мониторинга реализации нацпроектов.

Ключевые слова: социально-сетевое группообразование; онлайн социальные сети; сетевое взаимодействие; социальная сетевая субъектность; социальная обратная связь; социологическое измерение в онлайн социальных сетях; национальные проекты

Информация для цитирования: Богданов В. С., Смирнова А. С. Проблема социологического измерения социально- сетевого группообразования в условиях реализации национальных проектов // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 4. С. 146-168. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-9.

Original article

Vladimir S. Bogdanov
Anastasiia S. Smirnova

**Problems of sociological measurement of social
and network group formation in the context
of Russian national projects implementation**

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
isras@isras.ru

Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
nastyanestea812@gmail.com

Abstract. The article presents the results of testing the measurement of social network group formation (hereinafter “SNGF”) within the framework of national projects as a new way to establish in the online network space the processes of formation and interaction of collective subjects (stakeholders) interested in the quality of development and specific results of project solutions. The identification and interpretation of the essential characteristics of collective subjects that have common or different interests, behavioral strategies, and goals can be measured sociologically in the process of group formation, which can result in fixing the origin of the activity of a new collective subjectness or new social groups. The General humanistic approach to society in modern sociology recognizes the importance of all social groups, since the difference in their position leads to different interests, the coordination of which is the main goal of state policy. During the development and implementation of project solutions, there are solution groups that are responsible for setting the problem, setting goals, and choosing the means to achieve them. The nature and contours of the solution groups within the framework of national projects are defined by the authorities, which set the criteria for processes of participation or exclusion of stakeholders in addressing important social issues and the ability to operationalize the design decisions. The testing of the SNGF is based on the materials of an online search study (2019) conducted in 4 constituent entities of the Russian Federation. The study was updated in the context of an academic project implemented by the Center for Sociology of Management and Social Technologies of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Scientific Foundation (Research Project No. 19-18-00345). Attention of the study is focused on the empirical measurement of the general trends of SNGFs through specially developed indices of network social subjectness, expressed in the online network interaction of regional stakeholders regarding the creation and resolution of problems, the search for constructive solutions to them or translation of the protests during the implementation of national projects. Three criteria for the diagnosis of social network subjectness are proposed: the availability, content and dissemination of targeted information from the authorities sufficient to activate and constructively include the population in management decisions; the presence/absence of online and offline forms of inclusion of the population (using its potential: information, knowledge, resources) in the implementation of national projects based on the organization of social feedback; the nature of interaction (neutral, oppositional, organizational and constructive) between authorities and the population in the network space during the implementation of national projects. It was revealed that each region has its own character and trends in the organization of the SNGF and own criteria of social subjectness. There is a low level of public satisfaction with the implementation of national projects due to certain barriers and difficulties, including poorly organized social-oriented feedback regarding the implementation of project decisions. That is, today the SNGF as a process of intensifying the online communication interaction of stakeholders to develop socially oriented solutions within the framework of national projects is poorly regulated by the authorities. The population is practically not seen as one of the main performers of project activities. The revealed information on the implementation of projects, disseminated to a greater extent by the authorities, is often declarative and projective. Test of the methodology for sociological measurement of SNGF will continue in 2021 during the network monitoring of the implementation of national projects.

Keywords: social network grouping; online social networks; network interaction; social network subjectivity; social feedback; sociological dimension in online social networks; national projects

Information for citation: Bogdanov, V. S. and Smirnova, A. S. (2020), “Problems of sociological measurement of social and network group formation in the context of national projects implementation”, *Research Result. Sociology and management*, 6 (4), 146-168, DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-4-0-8.

Введение (Introduction). *Актуальность проблемы.* Центр социологии управления и социальных технологий ФНИСЦ РАН уже более 5 лет занимается изучением проблемы формирования механизмов онлайн и офлайн социальной обратной связи в управлении регионами с разным уровнем социокультурной модернизации (Богданов, Тихонов 2014). Для этой цели в рамках методологии социологии управления разработан уникальный интерактивный комплексный продукт, который позволяет в дистанционном режиме разными методами (массовый и экспертный опрос, контент-анализ СМИ и сайтов, анализ соцмедиа) собирать и анализировать проблемную информацию о функционировании и взаимодействии органов власти и управления с населением, устанавливать реальное проблемное содержание, формы и результаты обратной связи. Уже на основе проведенных нами исследований (Россия...2016; Тихонов, Богданов 2020) мы можем констатировать, что в регионах назрел общественный запрос на социально ориентированные практики управления, которые позволяли бы решать социально значимые проблемы не в общепринятом режиме контроля и надзора, доводя их в некоторых случаях до эскалации конфликта, а на основе рационально-познавательных процедур и новейших инфокоммуникативных технологий выявлять социально-значимые проблемы, определять возможных стейкхолдеров их решения. В 2018 разработанный нами научно-обоснованный подход к изучению обратной связи с населением с последующим выходом на проектирование управленческих решений был одобрен Правительством и Президентом Республики Башкортостан. Однако институциональные изменения и смена руководства Республики не

позволили реализовать наши наработки в режиме натурального эксперимента.

С 2019 года российские федеральные и региональные органы власти начали активно разрабатывать платформы обратной связи¹, а также использовать социальные сети для выстраивания системы получения «информационных сигналов» – проблемных сообщений, которые фиксируют теперь специальные аналитические службы и передают их в соответствующие органы власти. Для подобной практики разрабатываются специальные онлайн-сервисы отслеживания сообщений, содержащих информацию о социально-бытовых проблемах. Это информационные онлайн-платформы типа «Добродел» в Московской области, а также более широко распространенная программа – «Инцидент», которую используют уже в большинстве регионов Российской Федерации. Принцип работы последней прост и оперативен. За три часа после получения информации о проблеме, «органы власти должны отреагировать на сообщение (мол, получили, разбираемся), и восемь дней, чтобы решить проблему и отчитаться о проделанной работе»². Мы согласимся с тем, что отработка подобных онлайн-систем реагирования в онлайн социальных сетях и интернете имеет свой смысл и положительный эффект. Однако взаимодействие органов власти с населением на онлайн сетевых площадках регулируется на принципах односторонней технократической свя-

¹ Второй этап опытной эксплуатации платформы обратной связи стартует в регионах с 1 августа. URL: <https://d-russia.ru/vtoroj-jetap-jekspluatacii-platformy-obratnoj-svjazi-startuet-v-regionah-s-1-avgusta.html> (дата обращения: 29.08.2020).

² Система мониторинга «Инцидент»: как она работает. URL: <https://newsbash.ru/society/interesting/7697-sistema-monitoringa-incident-kak-ona-rabotaet.html> (дата обращения: 21.08.2020).

зи без организации конструктивного взаимодействия с людьми, столкнувшимися с реальной проблемой. Получается, что констатация и заявление о нерешаемой проблеме исходит от жителей, а её рассмотрение, разработка и качество реализации решения уходит на практически бесконтрольное (без соответствующего контроля жителями) исполнение контрольно-надзорным органам и органам власти. Такое положение дел в практике разработки и принятия управленческих решений подтверждается результатами нашего лонгитюдного исследования (Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН (Россия..., 2017)), посвященного изучению взаимодействия населения с властно-управленческой вертикалью на всех уровнях – от федерального до местного. В частности, мы зафиксировали, что главной традиционной функцией управления в региональных системах управления является отчетность перед вышестоящими органами власти, а социальная обратная связь с населением и мобилизация его потенциала находится далеко на периферии внимания госслужащих.

Сегодня Правительство Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» планирует запустить ещё один интернет-сервис для ознакомления и контроля россиянами исполнения мероприятий нацпроектов, опираясь на уже существующие информационные системы реагирования – «Инцидент», «Эталон» (Минтранс), система ОНФ (система, позволяющая контролировать строящиеся объекты).

В свою очередь Центр социологии управления инициировал изучение социальных, социолого-управленческих ресурсов и возможностей реализации Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года о национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года.

Для этой цели исследовательский коллектив под руководством профессора А.В. Тихонова организовал и запустил академический проект в рамках грантовой поддержки Российского научного фонда¹. Главной его целью становится получение нового знания относительно возможностей отечественной системы управления, наряду с рациональным решением задач в ходе реализации национальных проектов на основе формальных структур, создавать благоприятные условия для появления неформального группообразования и субъектности, способствующей реализации стратегических решений.

Говоря о группообразовании, необходимо отметить, что данный термин рассматривается в различных аспектах (психологических, поведенческих и социологических) в работах разных ученых. Э. Мэйо изучал социально-психологические факторы неформального группообразования в трудовых коллективах (Мауо, 2007). Г. П. Щедровицкий анализировал группообразование в игровых техниках, запускающих «поисковую», «творческую» стратегию (Щедровицкий, 1993). П. Бурдые исследовал социальные поля и «габитус» как логически мыслимые структуры, среды, в которых осуществляются социальные отношения между субъектами сознания и действия (Бурдые, 1994). Мы идем дальше и полагаем, что в процессе социокультурной модернизации региона в рамках «прорывных» проектов могут участвовать группы, состоящие из различных социальных агентов (стейкхолдеров), различающихся по своим характеристикам и функционалу, но демонстрирующих признаки социальной субъектности. Данную гипотезу мы попытаемся эксплицировать из результатов массового и экспертного

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (Исследовательский проект № 19-18-00345). «Академический проект: управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации и поддержка населением стратегии развития РФ до 2024 года».

опросов. В данной же статье мы акцентируем внимание на научной новизне изучения социально-сетевого группообразования через разработку оценочных критериев и индексов социально-сетевой субъектности как нового феномена социолого-управленческой практики, возникающего в процессе проектного управления, в нашем случае, в ходе реализации национальных проектов. Актуализация указанных феноменов в проблемном поле социологии управления связана в первую очередь с возникновением социальной проблемы цифровизации обратной связи в ходе цифровой трансформации управления, о чем сегодня в разных аспектах начинают говорить отечественные и зарубежные ученые (Богданов, Тихонов, 2020; Cotterill, King, 2007; Srivastava, 2013; Chatfield, Reddick, 2015).

Методология и методы (Methodology and methods). Научная экспликация определения социального группообразования в отраслевых социологических дисциплинах на сегодняшний день отсутствует, поэтому мы вводим 2 определения, отвечающие целям и задачам нашего исследования: 1) общее, *социальное группообразование* как спонтанное формирование групп населения для реализации национальных проектов из заинтересованных граждан с провластными и оппозиционными установками, обладающих общими и различными интересами в социальных преобразованиях на территории своего проживания; 2) Под *социально-сетевым группообразованием* (далее – «ССГ») понимается активизация и организация инфокоммуникативного взаимодействия пользователей онлайн социальных сетей в контексте обсуждения конкретных проблем региона и выработке проектных решений по их разрешению. При этом характер ССГ (консолидирующий или оппозиционный) определяется организационно-управленческими условиями, созданными органами власти и управления (организация социальной обратной связи, формы включения стейкхолдеров в разработку управленче-

ских решений, использование потенциала стейкхолдеров).

Под социально-сетевой субъектностью мы понимаем возможность и способность (как свойство) реализовать потенциал (информацию, знания, ресурсы) пользователей сетевых сообществ для оказания реального воздействия на разработку и реализацию управленческих (проектных) решений.

В соответствии с программой общего исследования нам необходимо изучить особенности социально-сетевого группообразования. В связи с этим главной целью поискового онлайн-исследования является изучение ССГ через разработку, выявление и установление критериев социальной сетевой субъектности, которая, с одной стороны, может влиять на характер ССГ, а с другой стороны, может быть результатом активизации и организации инфокоммуникативного пространства органами власти с пользователями онлайн социальных сетей в контексте обсуждения конкретных проблем региона и выработке проектных решений по их разрешению.

Для достижения поставленной цели исследовательским коллективом разработана специальная типология сетевых сообществ, в которых сконцентрирована активность стейкхолдеров – заинтересованных пользователей онлайн-сети ВКонтакте, участвующих в обсуждении накопившихся проблем в сфере здравоохранения и благоустройства региона:

1. Региональные и местные органы власти – 3 сообщества.
2. Профессиональные сообщества (профильные организации) – 3 сообщества.
3. Общественные и политические организации – 3 сообщества.
4. Онлайн-СМИ – 3 сообщества.
5. Информационно-аналитические сообщества (площадки коммуникации сетевых активистов региона) – 3 сообщества.
6. Сообщества населения региона (сообщества типа «подслушано») – 3 сообщества.

Мы полагаем, что установление характеристик социально-сетевой субъектности позволит нам определить масштаб и характер включенности пользователей онлайн социальных сетей в реализацию национального проекта «Здравоохранение» и «Жилье и городская среда», а также выявить в целом тенденции сетевого группобразования.

Указанные проекты являются по данным нашего массового опроса¹ наиболее сензитивными для населения в исследуемых регионах. Для достижения цели и задач онлайн исследования, проверки рабочих гипотез, отобраны 4 пилотных региона с различным уровнем социокультурной модернизации (по версии ЦИСИ ИФ РАН (Атлас..., 2016): Свердловская область (высокий уровень), Омская область (средний уровень), Вологодская область (ниже среднего), Смоленская область (низкий уровень). По факту отработки методики анализа целевого контента онлайн социальных сетей, в данных регионах (в 2020 году) будет исследован и ход реализации нацпроектов «Образование», «Безопасные и качественные автомобильные дороги», которые также являются наиболее сензитивными.

Анализ проблемного контента произведен в социальной сети «ВКОНТАКТЕ». Данная социальная сеть выбрана не случайно, т.к. является сегодня самой популярной среди населения России. По данным Mediascope ей пользуется 38 миллионов россиян².

¹ Пилотное исследование проведено Центром социологии управления и социальных технологий ИС РАН методом анкетирования. Объем выборки в каждом регионе – 500 респондентов. Общий объем массива – две тысячи человек.

² Социальные сети в цифрах. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_%D0%95%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9A%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B0_%D0%A0%D0%98%D0%A4+%D0%9A%D0%98%D0%91%202019.pdf (дата обращения: 24.08.2020).

Сообщества в сети «ВКонтакте» отбирались в соответствии с группой популярных ключевых запросов системы wordstat.yandex.ru, среди которых основным является «национальный проект «Здравоохранение»» и «национальный проект «Жилье и городская среда»».

Единицей анализа в сетевом сообществе «ВКонтакте» стало информационное сообщение (посты, комментарии к отобранным постам).

Нами была апробирована модель многоступенчатой выборки сетевых сообществ для отбора и анализа проблемного контента на основе следующих критериев:

1. Наибольшее количество участников в сетевом сообществе с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.
2. Среднее количество участников с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.
3. Наименьшее количество участников с наибольшим количеством проблемных постов и комментариев к ним – 1 группа.

Критерии социальной субъектности фиксировались двумя способами. Первый – полностью автоматический на базе аналитического сервиса «Соцмедиа» в программной среде Медиалогия. Второй – полуавтоматический способ с подключением экспертизы контента со стороны участников исследовательской группы. Такой подход позволил выделить более релевантную информацию по изучаемой проблеме.

Так как проблемный контент был подвержен экспертизе на пертинентность текстов (соответствие проблематике исследования), то указанный выше принцип выборки проблемного контента позволил отобрать его в концентрированном виде с учетом масштабности информационного поля всех групп. В каждом регионе зафиксирована своя специфика представленности проблемных постов и комментариев в различных типах сообществ.

Всего в соответствии с указанной выборкой по проекту «Здравоохранение»

отобрано 62 сообщества в 4 регионах, в которых зафиксированы и проанализированы 504 проблемных поста и 710 комментариев к ним. По проекту «Жилье и городская среда» - 59 сообществ, 246 проблемных постов и 741 комментарий к ним. Данные были собраны за полгода: с 26.11.2019 по 26.05.2020.

Отметим, что полученные данные онлайн исследования, в частности анализа целевого контента онлайн социальных сетей, будут использованы, как отдельно для репрезентации процесса ССГ, так и в комплексе с данными массового и экспертного опросов, анализа региональных СМИ, в рамках предметной области исследования управляемости процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации, а также фиксацией положения дел с поддержкой населением реализации национальных проектов.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). С возрастающей ролью цифровых трансформаций и «сетевых» структур в современном обществе, о которых в 1998 году писал М. Кастельс (Кастельс, 2004) как о выделившемся атрибуте глобализирующего общества, в социальных и гуманитарных науках растет интерес к изучению феноменов, возникающих в результате онлайн сетевых взаимодействий в цифровом обществе (Ли, 2020; Boyd, 2007; Rheingold, 1993; Wellman, 2001), а также к методологии их социологических измерений (Punam B, Sharma, 2016; Cornia, Sehl, Levy, Nielsen, 2018). Так автор работы «Умная толпа» Говард Рейнгольд (Рейнгольд, 2006), изданной по результатам исследования роли мобильных ИКТ в повседневной жизни людей, приходит к выводу, что роль онлайн сетевых взаимодействий будет расти, оказывая непосредственное влияние на трансформацию и организацию коллективных действий. Как отмечает академик М. К. Горшков и Н. Н. Седова (Горшков, Седова, 2015) со ссылкой на А. Мартинелли, подобное становится неизбежным в

ходе постоянных и скоротечных изменений современного общества, в котором процессы трансформации, модернизации углубляются и расширяются, создавая условия для активных транзакционных процессов глобального перемещения людей, передачи технологий, идей, символов и капитала. Однако далее исследователи констатируют, что ценности, практики и институты, обосновывающие результаты указанного обмена, пока не поспевают за ними. От себя добавим, что, указанные социальные разрывы – это скорее последствия деформации системы управления (в том числе и региональных систем управления), связанные с проблемой управляемости социальными процессами на местах – в отсутствие необходимых механизмов регуляции социальных отношений и взаимодействий (Тихонов, 2011). В связи с этим мы всё чаще становимся свидетелями серьезных социально-политических протестов, конфликтов и потрясений (Докука, 2014; Gonzalez-Bailon, 2016), выкристаллизовывающиеся в социальных сетях и сложившиеся в реальности легитимацию власти и социальный порядок.

Российские исследователи онлайн социальных сетей Г. Градосельская и её партнеры по исследовательской группе фиксируют особенность современных сетевых процессов, которые становятся теперь не только реальным отражением объективных социальных установок, но и механизмами, консолидирующими или дезинтегрирующими группы граждан по сходству или различию социально-политических установок (Градосельская; Карпов; Щеглова, 2019). Этот момент, по сути, разделяет и подтверждает другой российский исследователь Л. В. Сморгунов. Он заявляет о необходимости разработки механизмов публичной управляемости в условиях цифровых взаимодействий, порождающих возможность контроля сверху и снизу, а также по горизонтали. В этих условиях управляемость сетевых взаимодействий должна достигаться на основе участия расширенного круга стейкхол-

дерев, а её результатом должна стать сетевая координация взаимодействий, призванная создать эффект сотрудничества, а не конкуренции или радикального оппозиционного противостояния (Сморгунов, 2019). Ориентация на подобное взаимодействие означает получение реальных социальных эффектов от совместно обсуждаемых и вырабатываемых управленческих решений органами власти и населением, а не на получение положительной отчетности для конкретных учреждений, как это зачастую происходит в реальной практике регионального и федерального управления. В этом же ключе на трансформацию управляемости цифровыми взаимодействиями обращает внимание Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В очередных рекомендациях ОЭСР по формированию цифрового правительства выдвигается проблема гражданского участия, предполагающая в ближайшей перспективе разрешить следующие задачи: «обеспечить большую прозрачность, открытость и инклюзивность правительственных процессов и операций; поощрять вовлечение и участие публичных, частных и гражданских стейкхолдеров в разработке политики, дизайнов публичных услуг и их предоставления; (3) создать в публичном секторе культуру, ориентированную на информационные данные (Recommendation..., 2014, р. 6-7)». Просто декларативные заявления не дадут продвинуться в сторону организации взаимовыгодного сотрудничества на основе новых средств связи и информационных каналов. В связи с этим возникает необходимость эмпирического изучения характера, степени и качества участия граждан в сетевых взаимодействиях управления (Сморгунов, 2019; Parés et al., 2012).

Мы считаем, что изменить ситуацию может только разворот от техноцентричной парадигмы управления на принципах технократической обратной связи к социально-ориентированному управлению на основе социальной обратной связи, подразумевающему использование рационально-

познавательных и коммуникативных диагностических процедур для установления более широкого круга заинтересованных (стейкхолдеров) решения проблемы. Именно от стейкхолдеров должна быть получена фоновая информация о сложившейся проблемной ситуации, а также о необходимых превентивных мерах и перспективных способах её возможного разрешения (Дридзе 1998; Тихонов 2009; Щербина 2018). Решение указанных задач сегодня стоит как перед отраслевыми научными дисциплинами (в первую очередь речь идет о социологии управления), так и перед практиками управления – бизнес-организациями и государственным управлением. По сути, практическая сторона этой проблемы была озвучена Президентом Российской Федерации, который не раз заявлял о том, что для решения накопившихся социально значимых проблем в регионах необходимо создавать коммуникативные площадки для взаимодействия органов власти со стейкхолдерами (врачами, учителями и т.д.), в том числе и в рамках разработки и реализации национальных проектов.

Таким образом, мы констатируем необходимость создания новых механизмов управления на принципах обратной связи. В научно-исследовательском плане возникает запрос на эмпирическое исследование социально- сетевого группообразования в рамках реализации национальных проектов как нового феномена сетевого взаимодействия с одной стороны, и элемента социального группообразования с другой. Гипотетически мы можем предположить, что процесс ССГ, обусловленный организационно-управленческими условиями, созданными органами власти и управления в рамках реализации национальных проектов, напрямую зависит от развитости региональных систем управления, качество и результат функционирования которых выражается фоновыми в информационных сообщениях и потоках пользователей онлайн-сетей.

Говоря о рабочих гипотезах нашего онлайн исследования, то мы выдвигаем всего 3:

1. Стейкхолдеры из населения как отдельные субъекты, отвечающие за постановку и решение задач в ходе реализации определенных национальных проектов, выделяются слабо (слабо задействован потенциал стейкхолдеров).

2. Процесс социально-сетевого группообразования проходит скорее стихийно, без активной регуляции целевых информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения.

3. Взаимодействие органов власти и населения в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов носит скорее оппозиционный и нейтральный, чем организационно-конструктивный характер.

На основе специально разработанных индексов социологического измерения ССГ в ходе реализации национальных проектов в 4 пилотных регионах, мы проверяем рабочие гипотезы через установление критериев сетевой социальной субъектности:

- наличие/отсутствие онлайн и офлайн форм включения населения (использование его потенциала: информации, знаний, ресурсов) в реализацию национальных проектов на основе организации социальной обратной связи;

- наличие, содержание и распространение целевой информации со стороны органов власти, достаточной для активизации и конструктивного включения населения в управленческие решения;

- характер взаимодействия (нейтральный, протестно-оппозиционный, конструктивный) органов власти и населе-

ния в сетевом пространстве в ходе реализации национальных проектов.

Чтобы проверить первую гипотезу обратимся к данным таблицы 1. Исходя из проанализированных информационных постов, мы можем сделать следующий вывод: основными субъектами постановки и решения проблем в реальной практике реализации национальных проектов являются официальные субъекты, а именно региональные и муниципальные органы власти, и подведомственные им учреждения (50%), а также федеральные органы власти (15%). Их упоминают в основном по поводу проведения программных мероприятий по нацпроекту «Жилье и городская среда» (61%) (НП «Здравоохранение» – 39%). Подобная информация чаще встречается в трех типах онлайн сетевых сообществ: сообществах населения регионов (28%), в информационно-аналитических пабликах (25%), а также в сетевых онлайн-СМИ (16%). В региональном разрезе можно увидеть, что о региональных властях как о главном субъекте решения чаще всего упоминается в Свердловской (30%) и Вологодской областях (25%). В Омской и Смоленской областях процент упоминаний ниже (по 23%).

В качестве второго основного субъекта решения проблемы в информационных постах называются федеральные органы власти (15%). Главенствующая роль им отводится в ходе реализации нацпроекта «Здравоохранение» (78%). В первую очередь, об этом говорится в официальных сетевых онлайн сообществах, а именно в официальных онлайн-СМИ (33%) и подведомственных медицинских учреждениях (22%). О главенстве субъекта федеральных органов власти чаще заявляют в Свердловской (39%) и Смоленской (28%) областях.

Таблица 1
Субъекты постановки и решения проблемы, выделенные по факту рассмотрения
проблемных комментариев к постам
(в % от общего числа проанализированных комментариев)

Table 1

Subjects of problem definition and problem solving according to analyzed comments (in % of total number of analyzed comments)

Наименование категорий ана- лиза / Name of the analyzed cate- gory	Субъекты решения / Subjects of decision-making					
	Региональные, муниципальные органы власти, подведомствен- ные учреждения / Subjects of de- cision-making	Федераль- ные органы власти / Federal au- thorities	Бизнес / Busi- ness	Активи- сты из жителей региона / Activists from re- gional citizens	Управляю- щая компа- ния / Man- aging com- pany	Представи- тели обще- ственных и политиче- ских органи- заций / So- cial and polit- ical organiza- tions
Национальные проекты / National projects						
«Жилье и город- ская среда» / «Housing and urban environ- ment»	61	22	75	100	100	40
«Здравоохране- ние» / «Healthcare»	39	78	25	–	–	60
Сетевые сообщества / Network						
Общественные и политические организации / Social and political organizations	8	6	8	–	–	20
Профессиональ- ные сообщества (профильные организации) / Professional communities (profile organiza- tions)	11	22	8	–	33	–
Онлайн-СМИ / Online mass me- dia	16	33	17	25	17	20
Региональные и местные органы власти / Regional and local authori- ties	11	6	33	25	17	20
Сетевые активи- сты информаци- онно-	25	6	8	25	17	20

Наименование категорий анализа / Name of the analyzed category	Субъекты решения / Subjects of decision-making					
	Региональные, муниципальные органы власти, подведомственные учреждения / Subjects of decision-making	Федеральные органы власти / Federal authorities	Бизнес / Business	Активисты из жителей региона / Activists from regional citizens	Управляющая компания / Managing company	Представители общественных и политических организаций / Social and political organizations
аналитических порталов / Online activists of information-analytical publics						
Сообщества населения региона / Communities of regional residents	28	28	25	25	17	20
Регионы / Regions						
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	30	39	50	35	–	80
Омская область / Omsk oblast	23	17	17	25	–	20
Вологодская область / Vologda oblast	25	17	33	20	–	–
Смоленская область / Smolensk oblast	23	28	–	20	–	–
В целом / Total	50	15	10	10	3	2

Практически в равной, но в меньшей мере, роль ведущего регионального субъекта управления отводится представителям местного бизнеса (10%) и населению (10%). Если представители бизнеса приглашаются органами власти – а иногда и назначаются в добровольно-принудительном порядке – в качестве соинвестора программных решений (активнее в Свердловской (50%) и Вологодской (33%) областях), то население выделяется в качестве субъекта только по проекту «Жилье и городская среда» и выступает как участник конкурса заявок на благоустройство придомовых территорий, а также как соучастник общественных слушаний по разработке и утверждению про-

ектов благоустройства общественно-деловых и рекреационно-парковых зон поселений.

По сути, по нацпроекту «Здравоохранение» население рассматривается местными властями только в качестве получателя готовых инфраструктурных и сервисных медицинских услуг, произведенных в результате взаимодействия органов власти, подведомственных учреждений и бизнеса. Среди субъектов-получателей чаще упоминаются работники медучреждений и пациенты в целом. В единичных случаях выделяются конкретные категории среди населения, на которых ориентировано то или иное проектное решение: молодежь, пожилое население,

родители и дети, люди с ограниченными возможностями, женщины в декретном отпуске.

Картина по НП «Жилье и городская среда» похожая. Население, а именно жителей региона и поселений, в целом обозначают как конечного получателя услуг по благоустройству и расселению. В единичных случаях в качестве субъекта-получателя зафиксированы следующие категории: жильцы дворов, дети-сироты, обманутые дольщики, молодые семьи с детьми. Как субъекты постановки проектных решений более-менее выделяются только жильцы дворов (подача заявок на благоустройство, общественные слушания). Однако они практически не имеют

ресурсов и механизмов контроля за исполнением этих решений и/или оценки их реальных результатов. При этом результаты являются скорее неудовлетворительными: формальное вовлечение заявок в конкурсы, некачественное исполнение работ, решение сторонних проблем в меньшей степени касающихся жителей и др.

Доверие к ответственным лицам, отвечающим за реализацию национальных проектов, подрывает также факт отсутствия четких механизмов и каналов обратной связи между органами власти и населением (табл. 2). Мы отдельно рассмотрели отобранные нами онлайн сетевые сообщества органов власти и управления на предмет организации обратной связи.

Таблица 2

Средства обратной связи в рамках реализации национальных проектов
(в аб. значениях от общего числа онлайн сетевых сообществ органов власти и управления)

Table 2

Feedback from the national projects
(in absolute values from the total number of online network communities of authorities and administrations)

Наименование / Name	Средства обратной связи / Feedback possibilities		
	Объявления об открытых обсуждениях по проблемам нацпроектов / Announcement of public discussions on the challenges of national projects	Указаны контакты ответственных лиц за реализацию нацпроектов / Contacts of people responsible for implementation of national projects specified	Обратная связь отсутствует / None
Национальные проекты / National projects			
«Жилье и городская среда» / «Housing and urban environment»	2	1	7
«Здравоохранение» / «Healthcare»	2	2	8
Регионы / Regions			
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	1	1	4
Омская область / Omsk oblast	1	2	3
Вологодская область / Vologda oblast	2	-	3
Смоленская область / Smolensk oblast	-	-	5

В итоге из 21 рассмотренного сообщества только в 6 нам удалось зафиксировать только некоторые элементы обратной

связи: 1) объявления об общественных слушаниях, касающихся обсуждения разрабатываемых проектов благоустройства

по нацпроекту «Жилье и городская среда»; 2) объявления о возможности подать заявку на благоустройство придомовых территорий. За редким исключением были указаны контакты ответственных лиц за реализацию нацпроектов.

Нам не удалось выявить такие рубрики обратной связи электронного формата, как «вопрос-ответ», открытое голосование на предмет согласования и выбора возможных вариантов решения проблем. При рассмотрении сетевой площадки Министерства здравоохранения Свердловской области и официальной площадки «Екатеринбург» удивительным оказался факт отключения возможности оставлять комментарии к информационным постам.

В целом обратная связь по нацпроектам в онлайн сетевых сообществах сводится к ответам пресс-служб и официальных лиц на проблемные комментарии жителей. Ответы на комментарии зачастую носят формальный характер. Забегая немного вперед, опираясь на первые результаты предварительного анализа нацпроекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги», скажем, что в Свердловской области имеется официальное сетевое сообщество «Дороги Свердловской области», в котором наблюдается содержательная дискуссия официальных и заинтересованных лиц. Несмотря на негативные комментарии, касающиеся качества и объемов работ, состояния местных дорог, эксперты дают развернутые ответы, объяснения по принимаемым решениям, собирают информацию, перенаправляют пользователей в надзорные органы или местные администрации. Ни один комментарий не остается без внимания. С нашей точки зрения, в сетевом пространстве не хватает межведомственной онлайн коммуникации и оперативного обмена данными по проблемам реализации национальных проектов, когда целевая информация по факту возникновения проблемных комментариев могла бы быть перенаправлена в соответствующие сетевые площадки конкретным ответственным лицам.

Сведение роли участия стейкхолдеров проектных решений к минимуму в части разработки и реализации проектных решений, а также отсутствие адекватного регулирования информационных потоков проблемной информации, становится причиной продуцирования множества негативных комментариев жителей по поводу положения дел в сфере здравоохранения, а также в системе организации жилья и городской среды. Проанализировав эти комментарии, мы можем сделать вывод о наличии конкретных барьеров, которые указывают на низкое качество организационно-управленческих решений и низкий уровень ответственности за их результаты, а также на проблемы организации онлайн и офлайн форм взаимодействия между органами власти и управления с населением для выработки социально-ориентированных управленческих решений.

На первом месте находятся барьеры социально-организационного характера, указывающие на серьезный недостаток квалифицированных кадров на местах. Это связано как с результатами реформирования системы здравоохранения в регионах (сокращением персонала и учреждений), так и с особенностями взаимодействия органов власти с представителями медицинского сообщества. Фактическим подтверждением этого являются высказывания официальных лиц и рядовых граждан, зафиксированные в онлайн сетевых сообществах ВКонтакте в 4 исследуемых регионах. Целевая проблемная информация транслируется в большей степени на неофициальных сетевых ресурсах: информационно-аналитических сообществах региона, а также в сетевых сообществах населения типа «Подслушано». Говоря об официальных площадках, то, в первую очередь, это сетевые площадки региональных СМИ.

На втором месте – административно-организационные барьеры, касающиеся плохой организации работы и практически отсутствующей ответственности за разработку и реализацию проектных решений

(63% по проекту «Здравоохранение» и 27% по проекту «Жилье и городская среда»).

Практически в равной мере выделяются барьеры, связанные с инвестиционно-финансовыми трудностями (58% по НП «Здравоохранение», 42% по НП «Жилье и городская среда»), влекущими за собой инфраструктурно-технологические проблемы и финансовые нарушения (по НП «Здравоохранение» – 48% и 47%, НП «Жилье и городская среда» – 52% и 53% соответственно).

В ходе решения проблем благоустройства и расселения по нацпроекту «Жилье и городская среда» на ряду с первоочередными проблемами инвестиционно-финансового, инфраструктурного и коррупционного характера, главными также становятся социально-коммуникативные барьеры (71% по НП «Жилье и городская среда», 29% по НП «Здравоохранение»), вытекающие из отсутствия инфо-коммуникативных площадок (67% по НП «Жилье и городская среда, и 33% по НП «Здравоохранение», соответственно). Это указывает на то, что зачастую во взаимодействии органов власти с населением и стейкхолдерами (экспертами, гражданскими активистами) прослеживается сильная несогласованность, а личные интересы ответственных исполнителей, в частности членов комиссий по отбору заявок на ремонт и благоустройство, отодвигают реальные запросы населения на периферию решений.

Помимо указанных выше барьеров, возникающих в большей степени в ходе реализации нацпроекта «Жилье и городская среда», нам также удалось выделить и барьеры социально-политического характера, связанных с разработкой таких решений и документов, которые направлены скорее на хорошую отчетность, чем на решение конкретных проблем (67%, и 33% по НП «Здравоохранение»).

Следующий измеряемый критерий социальной сетевой субъектности мы рассмотрели, анализируя возможные формы и

характер обсуждения хода реализации национальных проектов. Как мы уже говорили выше, большинство информационных постов, которые нам удалось отобрать для анализа, имеют сугубо официальный характер. При детальном рассмотрении отобранного контента можно констатировать, что порядка 50% информационных постов имеют декларативный характер, освещают намеченные проекты, представляя общие цели и задачи без конкретных решений. Подобные информационные заявления органов власти, транслируемые в большинстве случаев на сетевых площадках подведомственных учреждений и региональных органов власти, в большинстве своем не вызывают интерес у населения, т.к. не содержат информацию о конкретных решениях по устранению социально-значимых проблем (табл. 3). Если подобные информационные посты попадают в поле обсуждения сетевых активистов в информационно-аналитических сообществах или в сообществах типа «подслушано», то часть жителей откликается, указывает на существующие проблемы в сфере здравоохранения и благоустройства, хочет быть услышанной в первую очередь по проблемам нехватки конкретных специалистов-медиков, состоянию диагностического и инфраструктурного оборудования, а также по вопросам благоустройства территорий их проживания (дворов и придомовых территорий) и зон общественного значения (площади, парки и т.п.). Некоторые жители предлагают конкретное видение разрешения накопившихся социально значимых проблем (26%), а также возможные подходы и процедуры исполнения решений, которые могли бы улучшить их качество (как устранить очереди в поликлиниках, какие требуются инфраструктурные решения в рамках модернизации местной медицины, где обратить внимание на качество исполненных работ и устранить недочеты, в каких случаях сменить недобросовестного подрядчика, как улучшить проект общественно-деловых зон и т.п.).

Таблица 3

Характер и формы обсуждения реализации национальных проектов, выделенные по факту рассмотрения проблемных постов и комментариев (в % от общего числа проанализированных постов)

Table 3

Character and forms of discussion of the national projects implementation according to analyzed posts and comments (in % of total number of analyzed posts)

Наименование / Name	Формы обсуждения НП / Forms of discussion of national projects			
	Только сообщения информационного характера без обсуждения / Only informational messages without discussion	Имеются комментарии жителей с поиском выхода на конструктивное решение вопросов в рамках НП / Comments of residents searching for constructive solution to issue	Негативные комментарии местных жителей без поиска конструктивного решения / Negative comments of residents without searching for constructive solution	Общие комментарии официальных лиц на вопросы жителей / Common comments from officials on residents questions
Национальные проекты / National projects				
«Жилье и городская среда» / «Housing and urban environment»	44	45	71	75
«Здравоохранение» / «Healthcare»	56	55	29	25
Сетевые сообщества / Network				
Общественные и политические организации / Social and political organizations	15	3	-	-
Профессиональные сообщества (профильные организации) / Professional communities (profile organizations)	29	-	-	13
Онлайн-СМИ / Online mass media	18	13	29	13
Региональные и местные органы власти / Regional and local authorities	19	16	5	25
Сетевые активисты информационно-аналитических порталов / Online activists of information-analytical publics	10	35	19	25
Сообщества населения региона / Communities of regional resi-	10	32	48	25

Наименование / Name	Формы обсуждения НП / Forms of discussion of national projects			
	Только сообщения информационного характера без обсуждения / Only informational messages without discussion	Имеются комментарии жителей с поиском выхода на конструктивное решение вопросов в рамках НП / Comments of residents searching for constructive solution to issue	Негативные комментарии местных жителей без поиска конструктивного решения / Negative comments of residents without searching for constructive solution	Общие комментарии официальных лиц на вопросы жителей / Common comments from officials on residents questions
dents				
Регионы / Regions				
Свердловская область / Sverdlovsk oblast	19	48	19	44
Омская область / Omsk oblast	29	23	38	38
Вологодская область / Vologda oblast	32	13	24	6
Смоленская область / Smolensk oblast	19	16	19	13
В целом / Total	51	26	13	10

На комментарии жителей официальные лица отвечают либо формальными отписками, либо замечания жителей вообще остаются без ответа. Т.е. жители не получают должные ответы на поставленные вопросы, не говоря уже о конструктивном подходе к разрешению указанных проблем (10%). Данный факт, конечно же, порождает недоверие как к ответственным исполнителям нацпроектов, так и к намеченным программным мероприятиям и проектным решениям.

Наиболее конструктивный подход и предложения в рамках обсуждения информационных постов по реализации проектных решений отмечены в онлайн сетевых сообществах Свердловской области (48%).

Негативные комментарии в рамках оппозиционно-протестных позиций жителей без поиска конструктивного решения приходится на Омскую и Вологодскую области (28% и 24%). Чаще негативная тональность комментариев отмечается в сетевых сообществах типа «Подслушано» (48%). Подобные сообщения касаются хода реализации нацпроекта «Жилье и го-

родская среда» (71%). Однако, следует отметить, что по этому проекту жители чаще получают ответы на свои комментарии от ответственных исполнителей. Хотя содержание ответов в большинстве случаев не указывает на их качественную проработку. В итоге основанная часть ответов воспроизводится по шаблонным отпискам: «будет рассмотрено», «подавайте заявку», «денег на исполнение всех заявок не хватит, т.к. недостаточно выделено средств в этом году», «будет заложено в смету в 2021 году» и т.д.

В Смоленской области на проанализированных онлайн сетевых площадках зафиксирован скорее нейтральный характер взаимодействия органов власти управления с населением, связанный с минимальной подачей со стороны ответственных лиц целевой проблемной информации или замалчиванием ими конкретных фактов о ходе реализации проектных решений.

Заключение (Conclusions). Проведенный анализ информационных постов и комментариев в 6 типах онлайн сетевых сообществ ВКонтакте в 4-х регионах поз-

волил подтвердить 3 гипотезы нашего поискового онлайн исследования:

1) Содержание информационных постов, а также установленная активность и характер включенности населения в их обсуждение, дают нам повод констатировать, что население сегодня не является полноценным субъектом постановки и реализации проектных решений в ходе реализации нацпроектов. Основными игроками – субъектами решения – являются органы региональной и муниципальной власти и подведомственные им учреждения, а также вышестоящие над ними органы федеральной власти (см. табл. 1).

Анализ информационных сообщений (постов и комментариев) показал, что органы власти и управления считают население скорее потребителем конечных результатов, причем тех, которые они сами (власти) и предложат. В связи с этим ответственные исполнители не развивают активную дискуссию со стейкхолдерами, не ориентируются на организацию социальной обратной связи, нацелены в большей степени на формирование отчетности по достижению контрольных цифр и формальному закрытию объективных статистических показателей.

2) Опираясь на проведенный анализ, можно говорить о том, что социально-сетевое группообразование действительно происходит скорее стихийно, и не организовано регуляцией целевых информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения. Сообщения от жителей регионов о проблемах, связанных с вопросами реализации национальных проектов, либо игнорируются, либо к ним даются официальные комментарии (отписки) без конкретных подходов и поиска соответствующих решений. Т.е. своевременная подача целевой информации, необходимой и достаточной для включения населения в проектные решения, а также адекватной регуляции информационных потоков органами власти и управления с выходом на конструктивные решения не прослеживается.

В итоге социально-сетевое группообразование стейкхолдеров проходит чаще стихийно – без внимания, включения и регулирования со стороны официальных лиц. Заинтересованные лица самостоятельно разворачивают обсуждение накопившихся проблем в актуальных для них онлайн-сообществах: онлайн-СМИ, информационно-аналитических группах, сообществах типа «Подслушано».

3) Зафиксированные организационно-управленческие барьеры, отстранение или формальное включение стейкхолдеров в процесс разработки и реализации проектных решений порождает негативный фидбэк пользователей сетевых сообществ относительно реализации национальных проектов, выражающийся в проблемных комментариях к официальным сообщениям. В двух регионах (Омская и Вологодская области) жители занимают чаще протестно-оппозиционные позиции и указывают на плохое качество исполнения решений и неудовлетворительные результаты работы органов власти и подведомственных учреждений в ходе реализации нацпроектов: несистемное решение проблем в сфере здравоохранения, некачественное и частичное благоустройство, использование средств на разрешение неприоритетных для жителей проблем. Отправители комментариев пытаются, с одной стороны, опосредованно указать на конкретные приоритетные проблемы, с другой, – предложить органам власти и управления обратить внимание на те аспекты их (органов власти) деятельности, которые порождают барьеры и трудности реализации проектных решений. Следует заметить, что на подобные заявления населения органы власти либо не реагируют вообще, либо отвечают шаблонно и часто сугубо формально, констатируя невозможность решения проблем из-за недостаточного финансирования, либо предлагают такие альтернативы, которые никак не помогут реальному разрешению социального вопроса.

В Омской области зафиксирован наиболее оппозиционный характер ССГ,

который выражается в максимальном количестве негативных комментариев к официальным постам региональных и муниципальных властей, а также в наибольшей концентрации контента декларативного характера, воспроизводимого органами власти для отчетности на своих сетевых ресурсах. Однако, следует отметить, что Омская область находится на втором месте после Свердловской по уровню активности сетевых активистов: в этих 2-х регионах интенсивнее формируется повестка социально значимых проблем. Можно предположить, что это особенность двух областей, которые относятся к более развитым регионам по версии социокультурной модернизации.

В Вологодской области прослеживается слабо выраженный интерес населения к обсуждению информационных постов о ходе реализации национальных проектов, а также достаточно негативное отношение к работе органов власти и управления в части реализации проектных решений. Возможно, это связано с тем, что в Вологодской области ответственные исполнители не смогли в полном объеме реализовать бюджетные средства по нацпроектам в 2019 году.

В регионах с более низким уровнем социокультурной модернизации – Вологодской и Смоленской областях – население практически не выделяется как субъект постановки и реализации проектных решений, а признаки ССГ либо отсутствуют, либо выражены слабо. В Смоленской области наблюдается слабое, нейтральное взаимодействие органов власти и управления с населением. Причиной этого может быть минимальное количество онлайн сетевых сообществ, отсутствие каналов обратной связи на официальных сетевых площадках, практически отсутствующая дискуссия официальных лиц с населением по поводу реализации проектных решений.

В Свердловской области жители сильнее проявляют интерес к проектным решениям и активнее обсуждают целый спектр неразрешенных социально-

значимых проблем в сфере здравоохранения и благоустройства, предлагают свои решения по их разрешению. Однако вместе с тем свердловчане на разных сетевых площадках масштабно и стихийно высказывают своё недовольство в отношении их отчуждения от конкретных решений, о некачественных результатах проектных решений в сфере здравоохранения, строительства жилья и благоустройства.

Отдельно отметим, что в комментариях жителей всех регионов мы обнаружили схожие суждения, указывающие на критическую деформацию отношений между органами власти и населением в контексте исполнения нацпроектов. Эта деформация связана в первую очередь с нерасторопностью и некомпетентностью местных органов власти, с извлечением собственной выгоды и приоритетности личных интересов чиновников. Всё это порождает в качестве причин и следствий целый спектр трудностей и барьеров, влекущих за собой незаинтересованность ответственных исполнителей в организации специальных условий социально-ориентированной обратной связи с населением для достойного достижения качества исполнения проектных решений.

Приведенные выше факты указывают на то, что социально-сетевое группообразование как процесс активизации онлайн коммуникативного взаимодействия стейкхолдеров для выработки адекватных решений в рамках национальных проектов слабо регулируется органами власти, не проявляющими должного интереса к созданию коммуникативно-конструктивных сетевых площадок для диалога всех заинтересованных субъектов регионального управления. В этой связи можно констатировать, что сегодня вместо организации новых форм коммуникации с населением органами власти и управления производятся такие организационно-управленческие условия, при которых чаще формируется стихийная оппозиционно-протестная субъектность стейкхолдеров проектных решений, чем конструктивная

работа по достижению социально-обоснованных решений и ожидаемых социальных эффектов.

Несмотря на то, что информация, продуцируемая в онлайн социальных сетях, является оперативной («здесь и сейчас») и фоновой о сложившихся организационно-управленческих проблемах и проблемных ситуациях на местах (в регионе, городе, деревне), мы можем констатировать её актуальность для исследования общих тенденций социального-сетевого группообразования через социологическое измерение критериев социальной сетевой субъектности в рамках реализации национальных проектов. Апробация социологического измерения ССГ через разработку оценочных критериев и индексов социально-сетевой субъектности будет продолжена в 2021 году в ходе социолого-управленческого мониторинга реализации национальных проектов.

Список литературы

Богданов В. С. Электронное управление в обществе: социальные и познавательные проблемы: монография. М.: Университетская книга, 2017. 320 с.

Бурдые П. Начала. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4-16.

Градосельская Г. В., Карпов И. А., Щеглова Т. Е. Картирование политически активных групп в фейсбуке: динамика 2013-2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4 (32). С. 94-104.

Докука С. В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137-145.

Дридзе Т. М. Социальная коммуникация в управлении с обратной связью // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 44-47.

Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.

Ли Д. Й. Механизмы управления репутацией в социальных сетях. URL:

<http://postnauka.ru/video/46789> (дата обращения: 28.08.2020).

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция. М.: ФАИР ПРЕСС, 2006.

Россия: реформирование властно-управленческой вертикали в контексте проблем социокультурной модернизации регионов [монография] / [А. В. Тихонов и др.]; отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 432 с.

Сморгунов Л. В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62-75.

Тихонов А. В. От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. 2011. № 2. С. 40-45.

Тихонов А. В. Социология управления: Теоретические основы. М.: Изд-во Канон+, 2009.

Тихонов А. В., Мерзляков А. А. Управляемость процессов социального группообразования в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 176-183.

Тихонов А. В., Богданов В. С. От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 74-81.

Щедровицкий П. Г. Очерк основных идей системомыследеятельностной педагогики // Очерки по философии образования. М., 1993. С. 125-144.

Щербина В. В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии: ФНИСЦ РАН. М.: Новый хронограф, 2018.

Boyd D. Why youth (heart) social network sites: The role of networked publics in teenage social life // MacArthur foundation series on digital learning—Youth, identity, and digital media volume. 2007. P. 119-142.

Chatfield A., Reddick, C. G. Understanding Risk Communication Gaps through E-Government Website and Twitter Hashtag Content Analyses: The Case of Indonesia's Mt. Sinabung Eruption // Journal of Homeland

Security and Emergency Management. 2015. 12 (2). P. 351-385

Cornia A., Sehl A., Levy D. A. L., Nielsen R. K. Private Sector News, Social Media Distribution, and Algorithm Change. Reuters Institute, University of Oxford, 2018. URL: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-10/Cornia_Private_Sector_News_FINAL.pdf. (дата обращения: 24.09.2020).

Cotterill S., King S. Public Sector Partnerships to Deliver Local E-Government: A Social Network Study // Electronic Government. EGOV 2007. Lecture Notes in Computer Science. 2007. Vol. 4656.

Gonzalez-Bailon S., Wang N. Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // Social Networks. 2016. Vol. 44. P. 95-104.

Mayo E. The Social Problems of an Industrial Civilisation. Routledge, 2007. 200 p.

Parés M., Bonet-Martí J., Martí-Costa M. Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain) // Urban Affairs Review. 2011. 48 (2). P. 238-271.

Punam B., Sharma Ch. Community detection in social networks // Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery. 2016. 6 (3). URL: https://www.researchgate.net/publication/295395520_Community_detection_in_social_networks (дата обращения: 24.09.2020).

Rheingold H. The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier // The electronic version of The Virtual Community. 1993. URL: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (дата обращения: 28.09.2020).

Recommendation of the Council on Digital Government Strategies. Adopted by the OECD Council on 15 July 2014. OECD. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/recommendation-on-digital-government-strategies.htm> (дата обращения: 29.09.2020).

Srivastava M. Social Media and Its Use by the Government // Journal of Public Administration and Governance. 2013. 3 (2). P. 161-172.

Wellman B. Physical and Cyber Place: The rise of personalized Networking // International

Journal of Urban and Regional Research. 200. Vol. 25. P. 228.

References

Bogdanov, V. S. (2017), *E-governance in society: social and cognitive problems: monography*, Universitetskaya kniga, Moscow, Russia. (In Russian)

Bourdieu, P. (1994), *Choses dites*, Transl. by Shmatko, N. A., Socio-Logos, Moscow, Russia. (In Russian)

Gorshkov, M. and Sedova, N. (2015), "Self-sustained» Russians and their life priorities", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (12), 4-16. (In Russian)

Gradoselskaya, G. Scheglova, T. and Karpov, I. (2019), "Mapping of politically active groups on Facebook: dynamics of 2013-2018", *Voprosy kiberbezopasnosti*, (4), 94-104. (In Russian)

Dokuka, S. (2014), "Praxis of using online social networks", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 137-145. (In Russian)

Dridze, T. (1998), "Social communication in management with feedback", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (10), 44-47. (In Russian)

Castells, M. (2004), *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*, Transl. by Matveeva, A. in Kharitonov, V. (ed.), U-Faktoria, Ekaterinberg, Russia. (In Russian)

Li, D. "Mechanisms of reputation management in social media", [Online], available at: <http://postnauka.ru/video/46789> (Accessed 28.09.2020). (In Russian)

Rheingold, H. (2006), *Smart mobs: the next social revolution*, Transl. by Garkavyi, A., in Lugovaya, I. (ed.), FAIR PRESS, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. V. (2017), *Russia: reforming the power-management vertical in the context of socio-cultural modernization of regions*, in Tikhonov, A. V. (ed.), FNISTS RAN, Moscow, Russia. (In Russian)

Smorgunov, L. (2009), "Institutionalization of gogernability and the problem of veillance in the space of digital communications", *South-Russian Journal of Social Sciences*, 20 (3), 62-75. (In Russian)

Tikhonov, A. (2011), "From Sociology of management to sociology of administration", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (2), 40-45. (In Russian)

Tikhonov, A. (2009), *Sociology of management: Theoretical bases*, Kanon+, Moscow, Russia. (In Russian)

Tikhonov, A. and Merzlykov, A. (2019), "Manageability of social group formation processes in regions with different levels of sociocultural modernization", *Research Result. Sociology and Management*, 5 (4), 176-183. (In Russian)

Tikhonov, A. V. and Bogdanov, V. S. (2020), "From «smart regulation» to «smart management»: social issue of feedback digitalization", *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 74-81. (In Russian)

Shchedrovitskiy, P. (1993), "Essay on the main ideas of system-mind-making pedagogics", in *Essays on philosophy of education*, Pedagog. Centre Experiment, Moscow, Russia, 125-144. (In Russian)

Scherbina, V. (2018), *Rationalizing diagnostic managerial social technologies*, FNISC RAN, Novyy khronograpg, Moscow, Russia. (In Russian)

Boyd, D. (2007), "Why youth (heart) social network sites: The role of networked publics in teenage social life", in *MacArthur foundation series on digital learning—Youth, identity, and digital media volume*, 119-142.

Chatfield, A. and Reddick, C. G. (2015), "Understanding Risk Communication Gaps through E-Government Website and Twitter Hashtag Content Analyses: The Case of Indonesia's Mt. Sinabung Eruption", *Journal of Homeland Security and Emergency Management*, 12 (2), 351-385.

Cornia, A., Sehl, A., Levy, D. A. L. and Nielsen, R. K. (2018), "Private Sector News, Social Media Distribution, and Algorithm Change", Reuters Institute, University of Oxford, available at: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/sites/default/files/2018-10/Cornia_Private_Sector_News_FINAL.pdf. (Accessed 24.09.2020).

Cotterill, S. and King, S. (2007), "Public Sector Partnerships to Deliver Local E-Government: A Social Network Study", *Electronic Government. EGOV 2007. Lecture Notes in Computer Science*, 4656.

Gonzalez-Bailon, S. and Wang, N. (2016), "Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media", *Social Networks*, 44, 95-104.

Mayo, E. (2007), *The Social Problems of an Industrial Civilisation*, Routledge.

Parés, M., Bonet-Martí, J. and Martí-Costa, M. (2011), "Does Participation Really Matter in Urban Regeneration Policies? Exploring Governance Networks in Catalonia (Spain)", *Urban Affairs Review*, 48 (2), 238-271.

Punam, B. and Sharma, Ch. (2016), "Community detection in social networks", *Wiley Interdisciplinary Reviews: Data Mining and Knowledge Discovery*, 6 (3), available at: https://www.researchgate.net/publication/295395520_Community_detection_in_social_networks (Accessed 24.09.2020).

Rheingold, H. (1993), *The Virtual Community: Homesteading on the Electronic Frontier*, The electronic version of The Virtual Community, available at: <http://www.rheingold.com/vc/book/intro.html> (Accessed 28.09.2020).

Recommendation of the Council on Digital Government Strategies (2014), Adopted by the OECD Council on 15 July 2014, OECD, available at: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/recommendation-on-digital-government-strategies.htm> (Accessed 29.09.2020).

Srivastava, M. (2013), "Social Media and Its Use by the Government", *Journal of Public Administration and Governance*, 3 (2), 161-172.

Wellman, B. (2001), "Physical and Cyber Place: The rise of personalized Networking", *International Journal of Urban and Regional Research*, 25, 228.

Статья поступила в редакцию 01 ноября 2020 г. Поступила после доработки 21 ноября 2020 г. Принята к печати 05 декабря 2020 г.

Received 01 November 2020. Revised 21 November 2020. Accepted 05 December 2020.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Богданов Владимир Сергеевич, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Vladimir S. Bogdanov, Candidate of Sociological sciences, Senior researcher, Federal Cen-

ter for theoretical and applied Sociology, Russian Academy of Sciences.

Смирнова Анастасия Сергеевна, магистрант Государственного академического университета гуманитарных наук, младший

научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Anastasiia S. Smirnova, Master's degree student State Academic University for the Humanities, junior researcher, Federal Center for theoretical and applied Sociology, Russian Academy of Sciences.